

Лагерлёф Сельма

Две дочери короля

(часть 1)

Замок шведского короля в Упсале был построен в давние времена из светлого искристого камня. Но шли годы, каменные плиты потускнели и потрескались от жестоких зимних ветров и непогоды, и теперь замок казался угрюмым и мрачным. Непрístupные стены были столь высокими, что в ненастные дни грозовые тучи цеплялись за их острые зубцы, а молнии, сверкая, перелетали от одного шпиля к другому.

Рядом с замком возвышалась Девичья башня. Лёгкая, золотистая, она была сложена из брёвен медового цвета, привезённых из заморских стран. Даже в пасмурные дни, что так часто выпадают в этих краях, Девичья башня всегда казалась освещённой ласковыми лучами солнца.

Крутая лестница вела на самый верх в покои принцессы. На широких подоконниках можно было разглядеть вмятины и углубления. Это были следы локтей девушек. Долгие дни проводили они здесь, сидя возле окна, подперев ладонью нежную щёку. С тоской и нетерпением вглядывались они в убегающую вдаль дорогу, увитую лентами тумана.

Одна ждала жениха, другая — тайного возлюбленного. Ночной шёпот, осторожные шаги, лишь бы ненароком не скрипнула ступенька... Да, за долгие годы немало что слышали и бережно хранили молчаливые стены Девичьей башни.

Случилось так, что однажды в королевский замок в Упсале прибыл знаменитый певец скальд Хьялтэ из далёкой, закованной льдами, Исландии. Слава о нём разнеслась далеко. Короли и отважные викинги принимали его в своих замках с радостью и почестями.

Это был человек крутого нрава с сумрачным надменным лицом. Несмотря на преклонные годы, волосы его были черны, как вороново крыло, а глаза, казалось, видели человека насквозь. Он любил воспевать великие

подвиги и гибель прославленных героев. И суровые слова его песен были под стать смерти и мужеству.

Но как же менялся весь облик Хьялтэ, когда он заводил песню о норвежском короле Олаве, сыне Гаральда. Откуда только он находил эти глубокие слова, полные благоговения и восторга. Он пел о нём не как о простом смертном, а как об избраннике Божьем, стоящем выше всех земных королей.

—С кем я могу сравнить короля Олава? — частенько говаривал старый Хьялтэ. — Я вечный скиталец, я объездил все северные страны, где я только ни побывал, но нигде не встречал я человека, равного ему.

Но вот однажды солнечным утром Хьялтэ увидел в саду принцессу Ингегерд, дочь шведского короля. Принцесса стояла возле цветущего куста роз. Она наклонилась над едва распустившимся цветком. Рядом кружилась пчела, и принцесса с улыбкой, а вместе с тем с досадой отгоняла её рукой.

Хьялтэ замер на месте, глядя на принцессу, а его сердце неистово забилось. Никогда не видал он девушки прекрасней Ингегерд. Её лицо сияло, будто было сделано из серебра и перламутра. У неё были гордые брови и нежный рот, а глаза напоминали прозрачные лесные озёра. Всё в ней говорило о кротости, благородстве и неземной чистоте.

Суровый старик стал каждый день наведываться в Девичью башню. И каждый день он без устали рассказывал принцессе Ингегерд о норвежском короле Олаве, сыне Гаральда.

Принцесса Ингегерд принимала его в своих покоях. И часто случалось так, что у ног принцессы, на низенькой скамейке, сидела её прислужница — юная Астрид, и с такой же радостью внимала она рассказам старого Хьялтэ, как и Ингегерд.

Тот, кто хоть раз увидел принцессу Ингегерд, уже никогда не мог забыть её дивный облик. Но, правды ради надо сказать, что Астрид тоже была необыкновенно красива. У всех, кто глядел на неё, становилось празднично на душе.

Если Ингегерд словно бы сошла с небесной звезды, то Астрид можно было назвать прекраснейшей дочерью земли. У неё были лазурно-синие глаза. От румяных щёк веяло мягким теплом. А её белокурые волосы волнами спускались до алых башмачков с жемчужными застёжками.

Обе девушки слушали старого певца, забыв обо всём на свете. Порой вышивание выпадало у них из рук, и разноцветные клубки ниток катились по полу в разные стороны.

Когда старый певец увидел принцессу Ингегерд и заговорил с ней, то тотчас же понял, что она прекрасней и благородней всех других женщин, которых он встречал до сих пор. И тогда у Хьялтэ зародилась мысль, и она мало-помалу завладела им целиком: поселить любовь в сердцах шведской принцессы и норвежского короля.

«Сам Господь Бог создал их друг для друга», — подумал Хьялтэ.

Прославленный скальд перестал складывать грозные и мрачные песни о безрассудной отваге и гибели. Сердце его смягчилось, будто чудесным образом на каменистом склоне расцвёл хрупкий цветок с тонкими лепестками.

Хьялтэ мучительно хотелось узнать, что же всё-таки думает принцесса о короле Олаве.

«Она слишком благородна, чтобы с ней хитрить и лукавить, — сам себе сказал старый скальд. — Я спрошу её без уловок, напрямик».

И Хьялтэ спросил Ингегерд:

—Королевская дочь, что ответишь ты, если Олав, сын Гаральда, попросит у отца твоей руки?

Лицо молодой принцессы просияло. И она ответила прямо, не таясь:

—Если он такой король и такой христианин, как ты говоришь, Хьялтэ, то это будет величайшим счастьем для меня!

Но едва она произнесла эти слова, как блеск радости погас в её глазах. Словно туманная завеса печали опустилась между ней и её далёким недостижимым счастьем.

—Ах, Хьялтэ, — с тоской сказала она. — Ты забыл одно, но самое главное. Ведь король Олав наш враг. Мой отец, король Шоскёниг, ждёт от него вызова на смертельный поединок, а не свадебных послов.

—Пусть это тебя не смущает, — ответил Хьялтэ. — Если только ты согласна, то всё будет так, как ты желаешь. Поверь старому Хьялтэ.

—Нет, — сказала она. — Никогда не бывать нашей свадьбе. Никто не смеет при моём отце даже назвать имя короля Олава, так он ненавидит его. Ты не знаешь, что такое ненависть королей. Она глубже, чем бездонная пропасть, и питают её чёрные источники, бьющие со дна души.

При этом глаза принцессы наполнились слезами. Видя эти слезы, старый скальд вскочил со скамьи.

—Такова воля Господа! — с волнением воскликнул он. — И всё совершится по воле его!

При имени Господа принцесса подняла голову и глаза её блеснули.

«Да, она достойна короля Олава», — подумал Хьялтэ.

Когда старый певец стал спускаться по крутой лестнице Девичьей башни, его догнала белокурая Астрид.

—О Хьялтэ, — сказала она, — почему ты не спрашиваешь меня, а что я отвечу королю Олаву, если он попросит моей руки?

Старик только окинул суровым взглядом девушку и, не ответив ни слова, пошёл дальше.

—Почему ты спрашиваешь только принцессу Ингегерд? — настойчиво продолжала Астрид. — Почему не меня? Разве ты не знаешь, что я тоже дочь шведского короля?

Хьялтэ снова ничего не ответил ей, но Астрид ухватила его за руку и заставила остановиться.

—Да, это правда, моя мать была дочерью рыбака. Но что с того, если король всем сердцем полюбил её? Я играла на коленях короля и забавлялась, дёргая его за бороду. Король звал меня своей любимой дочкой, шутил, что я маленький эльф и живу в чашечке тюльпана у него в саду. Но вот настал

чёрный час, и мать моя скончалась. А потом и вовсе над моей головой сгустилась непроглядная ночь. Король Шоскёниг, мой отец, женился на знатной королевне. И тут все сразу вспомнили, что моя мать была не знатного рода, а просто дочь рыбака. Разве это справедливо, Хьялтэ? Пусть мачеха заставила меня пасти гусей и уток, пусть меня не раз наказывали тем же хлыстом, что и слуг. Всё равно я королевская дочь, и в моих жилах течёт благородная кровь. Почему же тогда ты не спрашиваешь меня, старик, хочу ли я выйти замуж за короля Олава, сына Гаральда?

Она бежала за Хьялтэ через весь сад до самого королевского дворца, теребила его за руку, с мольбой заглядывала ему в глаза.

—Выкинь из головы эти глупые бредни, Астрид, — сурово сказал ей наконец старый певец. — Ты красивая девушка, не спорю, и конечно, сыщешь себе богатого жениха. Но не смей даже думать о короле Олаве!

—Ах так!.. — сказала белокурая Астрид и больше не прибавила ни слова.

То, что решил старый скальд, было как глубокая зарубка на дереве, которая никогда не зарастёт.

Получив согласие принцессы, он тут же снарядил корабль и отправился вниз по реке Нордре, на юг, в прекрасный город Кунгахеллу к королю Олаву. В нетерпении он торопил гребцов, и они налегали на вёсла. Хьялтэ кидал им горстями золото и серебро, скопленные за долгие годы странствий. Сам он сидел, уперев ладони в колени на носу корабля. И вот однажды на рассвете сквозь завесу дождя увидел он могучие стены Кунгахеллы и высокую башню королевского дворца.

Король Олав ласково и приветливо встретил старого певца.

Они сидели в богато убранных покоях, отослав слуг, и далеко за полночь длилась их беседа.

Хьялтэ по старой привычке держал в руке еловую ветку и растирал пальцами пахучую хвою. Это всегда помогало ему справиться с волнением.

И всё-таки голос его прерывался от восторга и счастья, когда он рассказывал королю Олаву о принцессе Ингегерд.

—Король! — сказал старый скальд. — Моли Бога, чтобы принцесса стала твоей женой. Ты отдал все силы и помыслы, чтоб изгнать язычество из пределов своих владений, чтобы тролли, колдуны, подземные карлики и прочая нечисть не смущали христианские души. Но язычество, подобно зловещему филину, крепко угнездилося в недоступных горах и ущельях. Твоему соколу, король, в одиночку не одолеть косматого филина, если ему не поможет белая голубка из девичьей башни в Упсале. О, если бы ты только мог увидеть принцессу Ингегерд! Лицо её сияет, словно оно из чистого серебра и перламутра. Глаза Ингегерд прозрачны, как горные озёра. А у ног принцессы на низкой скамейке сидит её белокурая прислужница Астрид и... — Тут старый скальд резко оборвал свою речь, сердито нахмурился, отвернулся, будто коря себя за то, что сказал лишнее, о чём лучше промолчать.

И вот наступил день, когда в королевский замок в Упсале прибыл посол с богатыми дарами от норвежского короля Олава, сына Гаральда. Король Шоскёниг принял посла в парадном зале, украшенном старинным оружием и бесценными коврами, привезёнными из стран Востока. Но в глазах его вспыхивал недобрый огонь, а вокруг стояли молчаливые вассалы с обнажёнными боевыми мечами.

Норвежский посол низко склонился перед королём Шоскёнигом и сложил к его ногам ларцы с самоцветами, серебряную и золотую утварь, меха.

—Мой повелитель во имя Бога предлагает тебе мир! — сказал посол короля Олава. — Довольно литься крови мужчин вперемешку со слезами жён и матерей! А чтоб стал этот священный союз нерушимым и вечным, отдай в жёны королю Олаву свою прекрасную дочь — принцессу Ингегерд!

Но король Шоскёниг вскочил с трона и лицо его стало багровым, как закатное солнце, предвещающее грозовую бурю.

—Заткни свою нечестивую глотку! Горе тебе, если ты скажешь ещё хоть одно слово! — в бешенстве закричал он. — Смертельный удар мечом получит твой повелитель, а не руку моей дочери!

Король Шоскёниг ещё долго изрыгал проклятия и сжимал кулаки, хотя посол и его свита уже спустились по мраморной лестнице и перешли подъёмный мост.

Молча стоял Хьялтэ, сжав побелевшие губы. Он вспомнил слова принцессы, что ненависть королей глубже, чем бездонная пропасть, и питают её чёрные источники, бьющие со дна души.

«И всё же королю придётся уступить, если будет на то Господня воля», — сказал себе старый певец и немедля отправился в путь.

Стояла глубокая осень, вовсе не подходящее время, чтобы старому человеку отправляться в далёкое странствие.

И всё же Хьялтэ и его верные слуги достигли берега холодного моря. Хьялтэ побывал на плавучем ледяном острове, где викинги заворачивали своих возлюбленных в шкуры, и всё же к утру их ресницы смерзались. И только могучим рывком можно было выдернуть заледенелый меч из ножен. Хьялтэ видел ведьму, сидящую верхом на тюлене. Она пряталась в белой пене морского прибоя, высматривая в воде тела утопленников.

Но, осенив себя крестным знаменем, Хьялтэ поехал дальше. Он встретился со старыми викингами, зимующими среди голубых льдов под завывание ветра, плачущего голосами умерших. Многие не выдерживали и сходили с ума от воя и свиста этого ветра.

Хьялтэ сидел рядом с суровыми викингами, протянув руки к огню, и рассказывал о принцессе Ингегерд и короле Олаве с таким воодушевлением и сердечным жаром, что седые воины, давно разучившиеся улыбаться, клялись на своих мечах: да, они помогут принцессе добиться счастья, предназначенного ей Богом.

Хьялтэ объехал одно за другим поместья зажиточных крестьян. Уж они-то никогда не внимали жалобам и мольбам родных дочерей и выдавали их

замуж так, как требовали того старые обычаи и честь рода. Он так мудро говорил с ними о мире с Норвегией, что они поклялись заставить короля Шоскёнига уступить.

И вот наконец наступил день зимнего народного собрания. Все подданные короля стали съезжаться к священному холму, чтобы встретиться со своим повелителем.

Нелёгким был их путь. Одни ехали по прозрачным и ненадёжным льдам фиордов. Путь других лежал по скользким тропам мимо пропастей, откуда тянули туманные руки призраки бездны. Рыцари, сотворив молитву, обрубали мечами цепкие руки, и тогда, превратившись в снег и лёд, призраки исчезали в бездонных провалах.

Но в назначенный день и час все подданные короля собрались на священном холме. И все как один потребовали, чтобы король отдал в жёны королю Олаву принцессу Ингегерд. Они потребовали этого столь властно и сурово, будто звёзды небесные могли померкнуть, если он не даст на то своего согласия.

Но в короля Шоскёнига, казалось, вселился сам дьявол. Он сбросил на снег свою королевскую горностаевую мантию.

—Нет! — вопил он хриплым голосом. — Нет, говорю я вам. Кто вы такие, чтобы повелевать королём? Никогда не бывать этому браку!

И вдруг король Шоскёниг умолк, словно захлебнувшись своим криком. Он увидел, что старые воины окружили священный холм опасным тесным кольцом, и ему нечего ждать пощады. Они были похожи на зверей, готовых к последнему смертельному прыжку, а глаза их горели холодным гневом.

Старый викинг с лицом, изъязвлённым морозом, вышел вперёд.

—Ты не хочешь отдать свою дочь славному христианскому королю? — В голосе старика звучали решимость и угроза. — А мы должны по твоей прихоти отдавать наших сыновей той, курносой, с косой за плечом, имя которой — смерть?! Слышишь, король? Мы требуем мира с Норвегией!

Что оставалось делать шведскому королю, если он хотел сохранить жизнь и корону? Он поклялся на своём мече рода Шоскёнигов, что летом пошлёт дочь в Кунгахеллу к королю Олаву. Рукоять меча украшал золотой лев и серебряная овечка, что означало бесстрашие и кротость. Но в глубине души король затаил ненависть и не смирился.

«Дайте только срок, и я сквитаюсь с вами, рабы и смерды! Вы силой вынудили меня уступить, и посему грош цена такой клятве. Я всё равно решу это дело по-своему, лишь бы мне улыбнулась удача...»

Вот как случилось, что король дал согласие на брак своей дочери с норвежским королём, и вот что он затаил в глубине своего сердца.

Лето уже шло к концу. Жара сменилась благодатным теплом. Безмятежно прозрачным было небо над королевским замком в Упсале, а между тем сердце принцессы Ингегерд изнывало от ожидания и тревоги. Ведь король Шоскёниг ни разу не обмолвился ни словечком о предстоящей свадьбе.

И вот однажды две сестры — Ингегерд и Астрид — стояли на мраморных ступенях замка, поджидая короля с охоты.

—Посмотри, сестра, — сказала Астрид, — ласточки собираются в стаи на полях. Они готовятся к дальнему перелёту на юг. А ведь это знак.

—Какой знак? — с удивлением переспросила Ингегерд. — Что ты хочешь этим сказать?

—Только одно, что осень уже не за горами, — продолжала белокурая Астрид. — А осенью твой корабль, украшенный резьбой и позолотой, должен отплыть в Норвегию к королю Олаву. Мне кажется, сестра, что тебе надо чаще напоминать королю о его клятве.

А про себя Астрид подумала: «Я была бы счастлива всю свою жизнь, если бы мне довелось хоть один-единственный раз взглянуть на короля Олава, сына Гаральда».

Так в душе этой девушки мешалось и дурное, и доброе. И была её душа подобна глубокому морю. Там мерцал солнечный свет, но на глубине таились никому не ведомые подводные ледяные течения.